

Елизавета Дементьева — «золотой фонд» Прометея

В нашем муниципальном округе живет немало замечательных людей. Но таких знаменитостей, как Елизавета Григорьевна Дементьева, — единицы. Елизавета Григорьевна — олимпийская чемпионка. В 1956 году на Олимпиаде в Мельбурне она первой из советских спортсменок завоевала золотую медаль в гребле на байдарке-одиночке. 15 ноября чемпионка отметила свое 85-летие. А накануне юбилея она любезно пригласила нас в гости на чашку чая.

«ЧТО ГРЕСТИ-ТО НАДО?»

Принято думать, что спортивные кадры куются с раннего детства. Дескать, в двадцать лет начинать уже поздно. Пример Елизаветы Григорьевны говорит, что это не так.

— Мы тогда жили в Костроме, я работала на заводе шлифовщицей и ни о каком спорте и думать не думала, — рассказывает она. — Только что закончилась война, нам и есть-то порой было нечего, какие уж тут спортивные школы. А вот гребля каждый день — у соседней брала лодку и возила топляки для печки. Дров было не достать, а топить чем-то надо было. И как-то встретились мы с одним из моих коллег, он на нашем заводе работал сборщиком. Оба на лодках. Я топляки везу, он — сено. Он и говорит — приходи к нам, грести будешь. А я даже сразу и не поняла — что я грести-то буду? О том, что гребля может быть спортом, я и не задумывалась тогда.

Но согласилась. Пришла в ЦС ДСО «Красное знамя». На другой стороне Волги на Водоканале стояли лодки — фоханы. Вот на них мы и тренировались. Гоночные лодки, более легкие и быстрые, появились у нас уже позже.

Я почти сразу стала неплохо выступать на соревнованиях, что и не

лась, сколько воды нахлебалась! Но потихоньку дело пошло.

В том же году наши ездили на Олимпиаду в Финляндию, но вернулись лишь с третьим местом. А уже в 54-м году к нам приезжала финка, которая стала тогда олимпийской чемпионкой, и мы с ней соревновались. Я выиграла. Мне дали мастера спорта.

ЕСЛИ ВЕСЛО ПОЕТ...

А в 1956 году Елизавета Григорьевна Дементьева стала олимпийской чемпионкой. И это при том, что всего за год до соревнований родила дочку.

следнее место. Вот такая неожиданность. А в чем было дело — там, где они тренировались, вода была спокойная. А по Москве-реке пароходы ходят, берега все в камне, река не широкая — болтало здорово. А я-то целый месяц тут провела, уже привыкла. И когда нам дали прикидку, я у всех выиграла. И меня взяли в сборную.

И не пожалели. В короткий срок Елизавета Григорьевна взяла первое место на Спартакиаде сначала РСФСР, потом и Советского Союза. Следующим этапом стала Олимпиа-

ду, голова легла на конек, ну, слава богу — думаю. И все. Большого восторга почему-то не было. Я даже сама себе удивилась — а почему я так спокойна? Это даже не в моем характере — я взрывная, эмоциональная, а тут такое спокойствие.

Зато советская спортивная общественность восторга не скрывала. Ведь Елизавета Дементьева стала первой советской спортсменкой, завоевавшей золотую медаль в этом виде спорта.

На следующий год первенство Европы. И снова первое место. Еще через год — чемпионат мира, два первых места — в одиночке и в двойке. И так дальше — победа за победой. Но на следующую Олимпиаду, в Риме, Елизавета Григорьевна не поехала.

— Я была очень хорошо готова к Олимпиаде. И до отъезда оставалось уже совсем немного времени. Но у меня заболела дочка. Мне прислали письмо — болезнь серьезная. Я пришла к старшему тренеру, говорю:

— Дайте мне пять дней к ребенку съездить.

А мне говорят:

— Выбирай. Или к дочери поедешь, или на Олимпиаду.

Я выбрала дочь. И больше уже не выступала.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

— К этому времени я уже закончила институт им. Лесгафта. Так что пошла работать тренером. Мне всегда очень нравилось работать с детьми. Приходили ко мне во-о-от такие пацанята. Одна голова над байдаркой торчит. А к концу сезона уже выигрывали призы.

Позже мы переехали на улицу Софьи Ковалевской, на работу ездить стало очень неудобно. Я устроилась в техникум преподавателем физкульту-

ры. Когда детям на уроке интересно, они его сами ждут.

Помню, приходит как-то мальчишка — заросший весь. Я ему говорю:

— Пока не пострижешься, на уроки не пушу.

— Ну, пожалуйста, пустите. Я завтра схожу.

— Нет, — говорю. — Вот как приведешь себя в порядок, так и приходи.

Так он побежал в парихмахерскую через дорогу, постригся и на второй урок пришел.

Меня радовала моя работа. Ведь что в детей вложишь, то и получишь. Я в них вкладывала душу и результат был соответствующий.

Радовала Елизавету Григорьевну и семья. Любимый муж, дети.

— Мы очень хорошо жили. Весело, интересно. У всех свои увлечения, каждый раз что-то новое, какие-то сюрпризы. Очень любили походы. У нас был катер, и мы на все лето уезжали с палатками — на Онегу, на Свирь. Грибы, ягоды собираем, рыбу ловим. Столько рыбы было, что ее уже и есть никому не хотелось. Мы на нее в карты играли — кто проиграет, тот рыбу и ест.

Мы с мужем прожили пятьдесят пять лет. И вот уже год, как Олега нет. А я все еще поверить в это не могу. Бывает, услышу что-нибудь по радио или телевизору и к нему обращаюсь, будто он рядом: «Олег, знаешь, что говорят?». И тут только вспоминаю...

Мы ведь за столько лет ни разу серьезно не поругались. Всегда находили общий язык. Даже в голову не приходило, что можно нахамить друг другу, оскорбить, обидеть. Мы умели и уступать, и прощать. Это не так уж сложно, когда любишь. Если бы все об этом помнили, счастливых семей было бы больше.

ступать на соревнованиях, что и не удивительно — я же каждый день за топляками ездила, а лодка у меня была долбленая, смоленая. Такая тяжелая, что ее и на берег-то сложно было в одиночку вытащить. После такой тренировки мне соревнования не так уж сложно давались.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

А с байдаркой я познакомилась только в сорок восьмом году. И знакомство это было не самым приятным. Мы поехали в Сталинград на соревнования, и там меня заставили грести в байдарке. Участников не хватало, а надо было кого-то выставить. Я думаю: «Как я на ней буду?! Я же первый раз!» Но меня особо не спрашивали, посадили, кленкой обили и отправили. И все бы ничего, но я попала между двумя пароходами — один идет навстречу, другой — сзади. Волна поднялась, меня болтает, я не знаю, что мне делать — кричу! Покричала-покричала, а толку-то... Кто мне поможет... Надо справляться самой. Положила весло на воду и сижу, а меня качает-качает-качает. Но обошлось. А потом еще гребла километра три. Ну, какая я тогда пришла... Последняя, наверное.

Но в 52-м году мы все-таки перешли на байдарку и каноэ. Я тогда тренировалась в Ленинграде, на Крестовском острове, в «Красном знамени». Тоже непросто было. Тренер — Яков Васильевич Тяпин — посадит меня на байдарку, а я только весло возьму и бух, опрокинулась.

Он на меня кричит: «Будешь ты у меня сидеть или нет?»

А я не знаю, как баланс удерживать. Раньше-то были лодки широкие, а тут узенькая, легкая. Надо чувствовать, как она под тобой сидит на волне. Ох, сколько я выворачивалась из этой байдарки, сколько накувырка-

за годдо соревнований родила дочку.

— Когда дочку кормила, тренироваться было негде. Но и форму надо было восстанавливать. Так я между шкафом и кроватью натянула тугую резинку и тренировалась так. С одной стороны «гребок», потом с другой. И так по несколько часов два раза в день.

Но когда мне прислали вызов и я приехала в Москву, на сборы меня не взяли. Я была такая худенькая, тощенькая, что они посмотрели на меня и сказали: «Мы покойников не берем».

А думаю — что же мне делать? У нас в «Красном знамени» была такая председатель — Клавдия Васильевна, я к ней кинулась:

— Клавдия Васильевна, что делать?

А она мне:

— Ну, что ты так расстраиваешься? Живи пока в Москве, в гостинице. На питание денег дадим. На Стрелку будешь ходить тренироваться. Сама.

Я обрадовалась — хоть не домой отправили. И вот я с ВДНХ каждый день ездила на Стрелку. С утра тренируюсь, потом схожу пообедаю, на скамеечке посижу и снова тренировка. Вечером в гостиницу.

Меня не надо было контролировать. Я сама себе была лучший контролер. Надо две тренировки, значит, надо. Хорошо себя чувствуешь или плохо — не важно. У меня был только один принцип — я слушала свое весло. Если у меня весло в воде словно поет, значит, это хорошая работа. Если гуляет — толку не будет. Или бросай тренировку, или что-то делай, чтобы настроиться на работу.

И так я жила там месяц. Потом вернулись наши со сборов. А тут как раз международная встреча — приехали венгры, чехи, поляки, румыны, болгары, восемь команд всего было. И наши заняли последнее и предпо-

Следующим этапом стала Олимпиада в Мельбурне.

ЧТО УМЕЮТ РУССКИЕ

— В Канаде все началось с конфуза. Озеро Вендури, на котором мы были должны соревноваться, очень большое и по берегам заросшее каким-то не то камышом, не то кустарником. И между этими кустарниками были сделаны просеки, чтобы на воду можно было выйти. Четыре или пять таких «проливов» было. Я в один зашла и тренируюсь. И не заметила, как все наши ребята уже куда-то ушли и я осталась одна. Вышла на открытую воду, смотрю — ни одной лодки нету. И тут вдруг поднялась такая волна! А до базы еще далеко. И ни катера, ничего вокруг. Я погребу-погребу, положу весло на воду, отдохну и опять. Боюсь только одного — вывернуться. До берега далеко — не доплывешь. Но потихоньку все-таки добралась до базы.

А на следующий день читаем в газете — русские приехали на Олимпиаду, а грести не умеют. Было так обидно!

Но буквально через несколько дней и канадцы, и весь мир узнал, что умеют русские.

На старте молодая спортсменка была спокойна. Впрочем, как всегда.

— Сколько у меня стартов было, я не припомню, чтобы я дрожала. Волновалась только о том, как бы весло не подвело. Бывает ведь и такое — то сломается, то неправильно войдет в воду. Понимала, конечно, что это очень важно, возможно, самое главное соревнование в моей жизни, но вот чтобы мандраж какой-то, нет — не было такого. Свою главную соперницу я уже «вычислила», понимала, как надо действовать, и думала только об этом.

А после финиша, когда объявили меня, у меня руки опустились в во-

туры. Там и раоотала до самой пенсии. И скажу без ложной скромности — на мои занятия ходили все. Обычно от физкультуры стараются увильнуть, а у меня прогульшиков

Мы от всей души поздравляем Елизавету Григорьевну с юбилеем. И желаем долгих лет жизни, здоровья, бодрости и душевного покоя.